

Он держал цитра в одной руке, а другой гладил её, то и дело перебирая струны, словно вслушиваясь в чувства, слившиеся с каждой нотой...

— Уважаемый Е Бо... — произнес мужчина, и хаотичная мелодия из-под его пальцев превратилась в бесплотные острые лезвия. Они врезались в ветви дерева, оставив на древесине выжженный иероглиф.

Имя мое — Цзиньсэ, его давным-давно дал мне один человек. Сначала это вызывало во мне отторжение, но со временем стало легче. Впрочем, разыскав тебя сейчас, я преследую лишь одну цель.

Судя по знакам, что я наблюдал на небесах, вскоре к востоку двинется некое знамение. Чтобы отыскать место, где оно проявится, я потратил несколько сотен лет духовной силы, — проговорил Цзиньсэ, забрасывая цитру за спину.

Е Бо с задумчивым видом посмотрел на мужчину, преградившего ему путь. Цвет волос незнакомца был всего на пару оттенков темнее серебристых струн, а в зрачках плескалось дерзкое серебристое сияние.

Они были сородичами, но этот человек прожил на несколько сотен лет дольше него самого.

Оба они изначально были неодушевленными предметами, обретшими плоть, однако в глазах мужчины напротив читалось глубокое понимание течения времени.

В сочетании с этой копной седых волос от него исходило едва ли не отрешенное спокойствие: он не радовался вещам и не печалился о собственном уделе.

— Не знаю, какое важное дело привело старшего к Е Бо, — произнес Е Бо, затаив в глубине глаз настороженность. Сделав шаг назад, он сохранил невозмутимый вид.

— Расслабься, не нужно так нервничать, я же не лютый тигр, — Цзиньсэ слегка поджал губы, мысленно отметив, что бдительность этого юнца выходит за рамки обычного.

На лицо же он напустил успокаивающее выражение и заговорил:

— Давай я лучше расскажу тебе историю.

Много-много лет назад в деревне Юньу жил выдающийся цитрач, и имя у него было красивое — Ли Фу. У него были такие чистые глаза, что от одного взгляда на них становилось легко на душе, а руки покрывали мелкие мозоли от игры на инструменте.

Он горячо любил свою цитру по имени Цзиньсэ — яоцин, выточенную из тысячелетнего дуба и взлелеянную снежными лотосами с гор Тяньшань. Инструмент был чист и прозрачен, а рождаемые им звуки струились нежными и теплыми водами осенней реки. Цитрач без памяти любил эту цитру, каждый день ласкал ее струны своими пальцами, тихо напевал под нее и сочинял стихи...

В ту эпоху деревья могли обрести крупицу души уже через тысячу лет. Разумеется, со стороны такая искра казалась всего лишь признаком превосходного, одухотворенного дерева. К слову, то глубокое и чистое дыхание, что исходит от тебя, — результат поистине редкой и счастливой встречи.

Говоря это, Цзиньсэ постепенно приближался к Е Бо. От тела Е Бо, вскормленного чистой

кровью и истинной энергией, исходил аромат, не свойственный существам, которые лишь недавно обрели человеческий облик.

Это было освежающее, чистое ощущение неопытности человека, еще не познавшего мир.

Приблизившись, Цзиньсэ принялся к Е Бо, и на его лице отразилось крайнее удовлетворение.

— Так зачем же вы ждали меня здесь?

В Цзиньсэ таилась какая-то жуткая сила: всего один взгляд, одно движение — и он словно парализовал любые движения Е Бо.

От него веяло печатью всепоглощающей отрешенности, хотя, возможно, все это было лишь иллюзией.

— У гор есть деревья, и на деревьях ветки, сердце любит царя, а ведает ли царь? Мне нужно совсем немного, и взамен я могу предложить то, что удовлетворит тебя. Я буду нянчить твое дитя, а взамен огражу твою Юаньмань от вторжения любых внешних сил.

Неужели ты и впрямь думаешь, что твоих сил хватит, чтобы защитить ребенка и любимую? Ты полагаешь, что я разыскал тебя только сейчас? Еще два месяца назад я скрывал свое дыхание и тихо охранял вас.

В глазах Е Бо мелькнул странный свет: в собеседнике крылась какая-то гипнотическая сила, и прежде чем он успел опомниться, его воля капитулировала, и он согласился.

Высшие Боги — свидетели вверху, духи мертвых — внизу, и небо с землей мне порукой: раз уж Е Бо дал мне слово сегодня, я тоже пущу в ход собственные силы, чтобы защитить Юаньмань.

Едва прозвучали эти слова, как Е Бо почувствовал, как из глубин его души поднимается мощная, грандиозная волна законов мироздания.

Если бы он посмел противиться этому зову, на него могла обрушиться кара Небесного Закона.

С этой минуты я буду держаться рядом с тобой, чтобы не допустить проникновения чужаков, — произнес Цзиньсэ, а затем добавил: — Хотя я уже знаю, где твое жилье, но гость подчиняется хозяину — vedi.

У Цзиньсэ на лбу выступили капельки пота. Глядя на демона-барса перед собой, он криво усмехнулся:

— Покуда я здесь, вам даже соваться сюда не стоит.

Стоило Юаньмань только собраться применить свою силу, как небесная и земная ци тут же пришли в движение, привлекая бесчисленных старых демонов из гор.

Однако из-за особой природы монастыря Болин мелким духам с отвратительной моралью вход туда был заказан.

А те благостные духи, что перехватили крохи благодати, витавшей в воздухе, прекрасно понимали всю выгоду от захвата благословений, но причинять кому-либо вред не желали. Они лишь тихо поглощали густеющую в воздухе благодать.

Те же, кто примчался сюда после всего этого, добронравием вовсе не отличались. Я обнаружил, что эта твоя паршивая Цзиньсэ просто омерзительна! Пользуясь тем, что твоя способность к постижению выше моей, а сама ты старше меня аж на триста лет, ты только и делаешь, что всюду мешаешь моим добрым делам!

На счету демона-леопарда было далеко не одно отнятое человеческое зусіе. Ярость и обида убитых людей взмывали до небес, не рассеиваясь и сливаясь с сущностью самого демона-леопарда.

Поэтому демон-леопард питался этой злобой, практикуя зловещие искусства.

Демон-леопард тоже явился сюда, привлеченный дыханием неба и земли, ведь от природы он страсть как любил все, что достается без труда.

Столкнувшись с этим древним духом, взлелеянным Цзиньсэ, он с самого начала невзлюбил его.

Бабник хренов! Да как ему так не повезло встретить столь странного типа?

Эту историю следовало бы начать с того, что было сто лет назад. В ту пору шайка демона-леопарда уже давно творила злодеяния, да и вкусы у него были на редкость привередливые.

Будучи демоном-леопардом со вкусом, на кого попало он и рот бы не открыл.

Его целями становились лишь те, кто обладал заурядной долей благословения и миловидной внешностью.

А позже он обнаружил, что мясо младенцев еще нежнее и вкуснее — можно сказать, оно было куда лакомей всего, что он поглощал прежде. К тому моменту он уже превратился из обычного леопарда в демона-леопарда почти триста лет назад.

Встреча с такой вот личностью, возвращенной Цзиньсэ, стала, пожалуй, самым отвратительным событием за всю его леопардовую жизнь. Разве станет демон-леопард ограничиваться лишь местом своего рождения? Он бы заскучал там до смерти.

К тому же, после стольких похищений, местные власти ходили с на редкость мрачными лицами, а сам он превратился в прославленного неуловимого злодея, которого никто никогда не видел в лицо.

Вот он и шагал себе вперед, то скитаясь по миру, то тайком наблюдая за людьми в каждом селении: кого бы отведать, какого младенца схватить поудобнее.

Сами того не заметив, он забрёл в Деревня Юньу.

Одно лишь название Деревня Юньу заставляло думать, будто это место сошло с небесных картин.

Но на самом деле Деревня Юньу вовсе не была столь прекрасна. Она юркнула на вершине небольшого холма высотой в тридцать метров, а во всей деревне насчитывалось едва ли два десятка дворов.

Родословная Деревня Юньу насчитывала уже двадцать одно поколение, а старостой был пятидесятитрехлетний старик.

Явившись сюда, демон-леопард неожиданно почуял, что здешние новорожденные пахнут куда нежнее и слаще, чем в любых других краях, а потому решил подождать, пока две женщины в деревне, чья беременность уже подходила к концу, разрешатся от бремени, и только потом идти дальше.

Правда, атмосфера здесь показалась ему странной: она была на редкость чистой, в отличие от прочих мест, но он списал все на особенности местных воды и почвы. Цзиньсэ жила в этой деревне Юньу. Будучи на триста лет старше демона-леопарда, она была способна уловить в воздухе необычные нотки.

Всего на мгновение её движение рук, играющих на цине, замерло.

Встретившись взглядом с растерянными лицами детей, она легко улыбнулась и погладила по голове стоявшего ближе всех мальчика.

Затем взглядом успокоила детей, которые уже нетерпеливо ерзали и собирались спросить, что случилось, и, опережая их движения, громко произвела на свет:

— Все будьте послушными, я сначала кое-что сделаю. Ая, поведешь пока ребят какую-нибудь игру?

После чего добавила:

— Слушайтесь и не заставляйте меня волноваться. Когда я вернусь, мы продолжим то, на чём прервались.

Дети переглянулись друг с другом, полные невысказанных вопросов о том, куда собрался учитель и что он задумал.

Но всё же послушно кивнули и согласились, проглотив рвущиеся с языка слова.

Ая, стоявшая во главе, в обычные дни обладала лучшими организаторскими способностями и была на редкость жизнерадостной. Услышав слова Цзиньсэ, она уже поднялась на ноги и обратилась к остальным с вопросом:

— Во что вы хотите поиграть?

Демон-леопард посмотрел на преградившего ему путь мужчину. Глаза его на секунду стали размером с медные колокольца, а пасть издала хриплый смешок — по мнению самого леопарда, это был самый осторожный и крутой способ поприветствовать кого-либо.

— Гха, привет! Будем есть мозги вместе?

Для демона-леопарда это была первая встреча с представителем своего вида, и добыча в этой вылазке выдалась на славу. Если объединить усилия и вместе покорить этот мир — от одной этой мысли кровь закипала в жилах.

Его поры расширились от удовольствия, жесткие усы слегка шевелились на ветру. Видимо, леопард никогда не задумывался о том, что у особей одного вида могут быть разные привычки; он знал только одно — как жрать, и был не способен разглядеть мрачный блеск в глазах собеседника.

И хотя распознать его он не мог, но чувствовал. Демон-леопард не понимал, почему ощутил угрозу, но это чувство исчезло так быстро, что леопард просто продолжил смотреть на сородича как ни в чем не бывало.

— Ты даже носишь человеческую одежду, — заговорил он. — И ткань-то совсем паршивая, куда ей до удобства собственной шерсти. Давай так: я отдам тебе шкуры, которые насобираю, на них и на полу лежать одно удовольствие. Но в таком виде есть и свои плюсы — проще общаться с людьми. Сколько мозгов ты уже съел?

Цзиньсэ тронула уголками губ улыбку и приняла благосклонность демона-леопарда.

Ах, если хорошенько за ним приглядывать, этот глупый леопард вполне годится для забавы.

В конце концов, он еще так молод. Цзиньсэ согласилась поделиться с леопардом мыслями о мозгах. Леопард-демон был так взволнован, что, пока Цзиньсэ ещё ничего толком не сказала, выложил всё, что накопилось за долгие годы.

Результат оказался разочаровывающим: прожив столько времени, демон-леопард так и не научился человеческой расчетливости и дальновидности.

В конце концов, ему достаточно было приложить лишь немного усилий, чтобы быть сытым и довольным, а остальные животные в лесу слушались его во всём, так что жизнь его была весьма привольной.

— Ха, ты столько сил потратил, пытаешься всё это удержать и присвоить себе, а знаешь ли, ведаешь ли этот молодой господин рядом, кто такая Цзиньсэ? И ты вот так ему доверяешь?

— Мы заключили сделку, — произнес Е Бо лишь одну эту фразу.

— Ты действительно справишься? — Е Бо обернулся и посмотрел на Цзиньсэ. Хотя он толком не понимал, что тот затеял и почему его так заинтересовали детеныши зверя, Е Бо также знал, что для него самого благополучный исход куда важнее.

Перед ним находилось добрых два десятка демонических тварей, и справиться с ними в одиночку он бы не смог.

— Запомни мои слова: не вмешивайся в то, что я делаю. Просто продержись до самого конца — тогда мы победим, и Юаньмань тоже будет в безопасности.

Е Бо глубоко посмотрел на Цзиньсэ, и в его глазах зияла непроглядная тьма, такая густая, что нельзя было разглядеть ничего другого.

— Не разочаруй меня.

В руке лежал нефритовый камень размером с куриное яйцо. Если верить словам Цзиньсэ, стоило приложить его к пупку Е Бо, как роды пойдут быстрее.

Что же до Юаньмана, то он глубоко вздохнул и, опираясь на руки, с трудом приподнялся, сев полубоком на постели. На самом деле, сколько бы раз ему ни доводилось рожать, получая новое тело, многие из этих тел еще не познали родов — проще говоря, были девственными. Так что, помимо накопленного с опытом понимания, у него не было ничего за душой.

Воды еще не отошли, и это хорошо, — думал он. На лице Е Бо сегодня читалась непоколебимая решимость; уходя, он пообещал скоро вернуться и просил не беспокоиться.

Юаньмань также понимал: раз уж он мужчина, то ребенок появится на свет через то самое место, о котором и думать не хотелось — через задний проход.

Преодолевая схватки, он с трудом попытался встать с постели.

— Ты что удумал? Скажи мне, я помогу, — внезапно раздался голос Е Бо, прозвучавший с легкой тревожной ноткой.

— Походи со мной, так будет быстрее. — Юаньмань приподнял веки и поджал губы.

Капли пота невидимо струились по лицу Е Бо...

Е Бо с болью в сердце глядел на Юаньмана и постарался сделать голос как можно мягче:

— Приложи это, станет полегче.

Его крупная ладонь с четко проступающими буграми вен прижала к пупку Юаньмана предмет, источавший синеватое свечение.

В тот же миг между ног у Юаньмана хлынула необычная жидкость — словно священный источник, словно живительная роса.

— Помори мне встать на колени, так будет легче рожать.

На мгновение Юаньмань полностью лишился сил: острая боль многократно превзошла прежнюю, казалось, что что-то тяжелое действительно сдвинулось вниз.

Е Бо помог Юаньманю переместиться к изголовью и опуститься на колени, упершись руками в матрас — так было не только удобнее тужиться, но и чуточку легче переносить муки.

Е Бо тоже не сидел сложа руки: растерянности новичка, оказавшегося в полном неведении, у него не было и в помине. Однако сколь бы богатым ни был его багаж теоретических знаний, перед лицом любимого человека он все равно нервничал.

— У тебя отошли воды, можешь начинать тужиться. Если почувствуешь себя плохо, сразу же скажи мне.

Юаньмань плотно зажмурил глаза: боль не позволяла думать ни о чем другом, да он и не хотел отвлекаться.

Вместо того чтобы тратить время на посторонние вещи, было куда разумнее поберечь силы для

родов.

Поскольку он не был женщиной, ощущения при родах и впрямь напоминали изгнание изнутри огромного куска... дерьма.

В глубине заднего прохода Юаньманя застрял гладкий предмет серовато-черного цвета размером с небольшую дыню. Лишь приложив последние усилия и напрягшись изо всех сил, Юаньмань смог вытолкнуть его наружу.

Руки Е Бо, ждавшие наготове, благоговейно подхватили и бережно приняли малыша.

Он аккуратно уложил эту маленькую дыньку в заблаговременно подготовленную землю и полил водой. После этого Е Бо перестал обращать внимание на дыньку и вновь перевел взгляд на Юаньманя.

— Кажется, есть еще один... — хрипло произнес тот.

Е Бо замер: он думал, что яйцо всего одно, и второй емкости не подготовил.

Подняв руку, он сотворил материализацию нового горшка с землей.

Этот плод оказался значительно меньше и изящнее предыдущего, да и цвет его не был столь серовато-черным.

Истинная энергия неба и земли бушевала, а затем схлынула — всего за одно мгновение.

Воинственно кричавшие демонические твари вмиг утихли, потеряв всякое возбуждение. Они смотрели на бледного Цзиньсэ полными настороженности и презрения глазами.

— Какого хрена вы тут устроили? Куда делась духовная энергия? Не ты ли только что заставил ту мелкую ватную хрень всё сожрать? Говорю тебе, так просто это не сойдет с рук! — возмущался тот, кого привлекла духовная энергия неба и земли, но кто совершенно не ведал истинной подоплеки.

— Главарь, беда, с Сяо Ци что-то случилось! — закричал другой, обращаясь к демону-леопарду.

— Мать твою, и здесь умудрились облажаться! Разве я не говорил вам перед уходом: разобраться со всем как следует?! Бестолочи!

— Главарь, раз уж духовная энергия всё равно исчезла, жизнь Сяо Ци куда важнее! Может, отложим пока дележ добычи и месть?

Услышав это, Цзиньсэ облегченно выдохнул.

То, что должно было случиться, свершилось; этого было достаточно, теперь всё позади.

При мысли о человеке с благородными манерами выражение глаз Цзиньсэ смягчилось, словно таял снег, и они слегка увлажнились.

Беспорядки быстро утихли.

Цзиньсэ не стал забирать обоих детенышей, прихватив лишь одного. Уходя, он произнес:

— Небеса позволили тебе вырастить лишь одного ребенка, так что заботься о нем как следует.

Цзиньсэ унес с собой то самое чуть более слабое, не столь серовато-черное яйцо. Держа горшок в руках, он осторожно вышел за порог и, глядя на безоблачное небо, тронул уголки губ улыбкой, смысл которой ускользал от понимания:

— В конце концов, я добился своего.

Ты в порядке, Люлюлю? — в голосе Гу Сюя слышалась легкая усталость.

— Незвестный объект... атаковал нас. Сила колоссальная, он напрямую сокрушил... ядро системы, уничтожив его на месте. Мы делаем всё возможное для спасения... У нас осталось всего двадцать баллов, — в голосе Люлюлю послышался треск электрических разрядов.

Гу Суй погрузился во тьму. Его рука едва заметно приподнялась и снова опала.

— Сколько баллов нужно на восстановление?

— Двести баллов.

В нынешнем положении не то что двухсот — даже пятидесяти баллов не наберется.

Гу Суй хотел утешить Люлюлю, но у того даже не было физического тела, чтобы принимать утешения.

— Ничего страшного, двести баллов — это пустяки, выполним задание и восстановимся, — услышав это, Люлюлю приуныл еще сильнее.

— Интерфейс заданий тоже поврежден, восстанавливать придется по крупицам. У нас нет выбора. Моей оставшейся энергии хватит лишь на то, чтобы случайно забросить тебя в какой-нибудь мир, и задания тоже генерируются случайным образом — я не могу на это повлиять.

Вокруг по-прежнему царил мрак, но неожиданно стало тепло. Гу Суй попытался открыть глаза, но обнаружил, что веки не разлепить. Он смог лишь чуть-чуть шевельнуться, и окружающая жидкость послушно заструилась следом, даря удивительное чувство покоя.

— Ты превратился в двухмесячного зародыша, твоя задача — защитить себя и благополучно появиться на свет. Пусть это единственное задание, но сейчас ты эмбрион, и защитить себя невероятно трудно, будь предельно осторожен. Если выполнишь задание, получишь триста баллов. Энергии почти не осталось, так что в ближайшее время я не смогу с тобой общаться. Скорее потрать свои двадцать баллов.

Время дорого, сейчас он всего лишь зародыш, впереди еще восемь месяцев мытарств, а баллов кот наплакал — пересчитать хватит пальцев одной руки.

— Амулет неуязвимости к урону... Пожалуй, возьму его.

.....

— Гу Шу, выпей это лекарство, и хворь пройдет.

Лю Цзыань протянул лежащему в постели Гу Шу пиалу с густым черным отваром, на его лице читалось легкое раздражение.

Гу Шу был блен, как полотенце. Полулежа с пиалой в руках, он лишь понюхал отвар, как тут же отвернулся, не в силах сдержать тошноту, словно борясь с чем-то еще, а его плечи слегка

задрожали.

Затем он снова повернулся и единым махом осушил пиалу до дна.

Вот только лекарство оказалось донельзя горьким, а Гу Шу пил слишком спешно, так что его тут же скрутило над краем постели в приступе сухих позывов, хотя вырвать почти нечем было.

Лю Цзыань нахмурился, отступил на пару шагов и бросил:

— Отдыхай. Через полчаса придет лекарь осмотреть тебя.

Резко хлопнула закрывающаяся дверь. Гу Шу горько усмехнулся про себя и на ощупь поставил пиалу на пол. Стоило ему совершить это простейшее движение, как накатила такая усталость, что аж в пот бросило.

С каких это пор этот человек стал относиться к нему по-человечески? Стоило ему всего лишь подать лекарство, как сердце предательски забилось быстрее.

В последнее время творилось что-то странное: он совершенно не выносил запаха мяса, мучимый сильнейшей тошнотой, но Лю Цзыань упорно отказывался говорить, чем именно он болен. Это лекарство и вправду такое горькое, неужели оно поможет? Позавчера он неудачно упал — почему-то пришелся удар на ягодицы, но сильнее и дольше всего почему-то болел живот. Окружающие слуги испуганно бросились поднимать его, в ужасе крича, что открылось кровотечение и нужно срочно звать лекаря.

Тогда он уже выбился из сил от боли и вскоре потерял сознание. Очнувшись, он почувствовал лишь необычную слабость в теле, однако к нему вернулся Лю Цзыань, которого не было видно целую вечность. Гу Шу услышал, как у края постели прогнулся мягкий матрас — этот человек присел рядом.

Тон его по-прежнему был холодным, без особого намека на чувства, но Гу Шу все же уловил дрожь, которой раньше в голосе не было. Возможно, из-за того, что он ослеп, слух его стал чуточку острее — настолько, что он расслышал даже эту дрожь.

— Всё так серьезно?

— Нет, ничего серьезного. Выпьешь лекарство — и всё пройдет, с чего бы этому быть серьезным? Просто... есть одно дело, в котором ты мне поможешь. Мои торговые дела идут не слишком гладко, и пару дней назад один влиятельный человек предложил отдать тебя ему в обмен на решение всех проблем с торговлей. Я думал завести об этом разговор через пару дней...

Лю Цзыань смотрел на живот Гу Шу, и выражение его лица было сложным.

— Ты... согласился?

<http://bllate.org/book/22156/2307889>